

Заведующий
художественным отделом
Псковского музея-заповедника
Селиверстов Ю.А.

Псковская губерния. №4 (626), 30 января – 5 января 2013

URL: http://gubernia.media/number_626/06.php

Оркестр под огнём

Псковские художники собрались с духом и устроили в залах Псковского музея-заповедника смотр своей творческой совести

Наверх вы, товарищи, все по местам:

Последний парад наступает.

Народно-военная песня.

Большая ретроспективная выставка, посвящённая тридцатилетию Псковского регионального отделения Союза художников России, была открыта в Псковском объединённом музее-заповеднике 26 декабря 2012 года. Она продолжает уже значительный, протроенный сквозь годы, ряд временных экспозиций современного отечественного искусства на выставочных площадях музея. Вспомним хотя бы «Остановки по требованию» Митьков в нашем городе в 2008 [1] и 2011 годах [2]; выставку «Псковские встречи», организованную одним из виднейших псковских художников Н. М. Москалёвым в 2011-м. Та же линия была подхвачена весной 2012 года экспозицией под созвучным названием «Петербургские встречи» (Санкт-Петербургский Творческий союз – «Ленинградский горком» – художников). Наконец, вернёмся мысленно к совсем недавней выставке «Автопортрет +

Псков 2012» (сентябрь – октябрь 2012 года), инициированной Ильёй Сёминым [3].

Периодическая демонстрация труда современных авторов в своих стенах для большого художественного музея важна максимально, является неотъемлемым аспектом его деятельности. Ибо искусство – это не только история искусств. Это также сиюминутная пульсирующая жизнь – священная Новизна, которая рождается во всякий день и словно впервые стремится пересоздать мир, в обязательном порядке опираясь при этом на многовековую традицию. Искусство, раскрываемое для людей, всегда держится на двух этих «крыльях». Его жизнь немислима без опоры на прошлое. И вся его традиция, сколь угодно давняя, всегда воистину жива через такую опору.

Сбор тридцатилетия

Именно такой – необходимый и неотменяемый – модус своего профессионального бытия смогли, на мой взгляд, (кто в большей, кто в меньшей степени) выявить псковские художники в представляемой юбилейной выставке. Они, во главе с В. В. Лысюком, выступили в данном случае не только в качестве авторов собственных произведений, но и как «режиссёры» самой экспозиции, целиком построенной ими же.

Экспансивный принцип развески полотен, применённый художниками, несколько отличается от обыкновенно реализуемого музейного принципа. В соответствии с последним, как правило, принято в первую очередь согласовывать «звучание» соседствующих картин. Произведения не должны «громко» спорить друг с другом. Рассчитанной надолго экспозиции более показаны внутренний лад и гармония: они делают произведения «равноправными», облегчают максимально глубокое прочтение и восприятие каждого из них.

Однако наибольшей броской эффектностью обладает именно контрастная развеска. Она выгодно выявляет самые сильные произведения, которым в таком случае удаётся, иногда почти полностью, заглушить «голос» остальных картин, что не всегда справедливо. Такой – деспотичный,

диктаторский – показ делает экспозицию как целое более выигрышной, активной и яркой. Он менее «толерантен», но, может быть, более правдив.

Какой из двух принципов правомерней – вопрос открытый. Оба хороши к месту. Верно и то, что ни один не может быть реализован на 100%. Любая экспозиция всегда комбинирует оба принципа в разных пропорциях. Но именно контрастная, построенная на антитезах развеска дарит зрителю наиболее сильные впечатления.

Война ушла на запад

Развернутая в музее экспозиция отличается достойным многообразием жанров. Помимо обилия знакомых с детства пейзажей, традиционного для нашего города, здесь много замечательных портретов. Они принадлежат кисти Э. М. Гинзбург, А. Дербиной, Н. М. Москалёва, Н. М. Заволоки, молодого А. В. Жбанова (список может быть продлён).

Относительно ранние работы А. Жбанова предельно любопытны, экспериментальны: они тёмные-тёмные (практически не подлежащие репродуцированию). Автор словно бы экономит свет – «В новогоднюю ночь», «Художник и модель» – работает на пределе зрительного восприятия (считается, что даже один фотон среди полного мрака может быть замечен человеческим глазом).

Некоторые из пейзажей на «Выставке Тридцатилетия» также обладают почти портретной одухотворённостью – несут на себе отражение Человека. Это в первую очередь касается произведений А. А. Большакова. Вновь привлекли внимание его принадлежащие музею работы 1981 года: «Покров», «Война ушла на запад». Об этом замечательном мастере я уже писал. [4]

С картинами А. А. Большакова хорошо сочетаются произведения Г. Н. Алексеева. Пейзаж высокого уровня – это всегда одушевлённый, с почти портретной интенсивностью насыщенный жизнью образ: города, Псковской земли.

Впрочем, местным пейзажистам до чрезвычайности повезло с натурой: любая из родных церковок, будто «случайно попав» в поле зрения художника,

сама уже в большой мере работает за него – практически говорит в голос, «вытягивает» собою ввысь почти всякое произведение...

В первом зале (помимо ставшего уже хрестоматийно известным монументального «Псковского кремля» В. В. Лысюка-старшего) привлекает особое внимание очень многозначительная – что называется, «программная» – композиция Н. М. Заволоки (р. 1950 г.) «Воспоминание о фронтовой сонате» 1997 года. Автор стремится напрямую затронуть здесь Жизнь и Смерть – важнейшие «опорные точки» самого феномена «человек». Уже поэтому, вне зависимости от достигнутого результата, композиция Заволоки ценна как попытка применить большой художественный язык, «главный калибр» живописи.

Художник выстраивает условную надвременную мистерию. В левой части полотна изображены старики-ветераны, оставшиеся на войне в живых. Время над ними властно: они одряхлели, но сохранили свою человеческую, портретную конкретность.

Главный герой (субъект) полотна – конечно, девочка на переднем плане, одетая в маленькую «шинель» солдатского сукна, смотрящая в Будущее поверх зрителя из центра композиции. В неё какую-то часть себя перевоплощает автор, в общении с ней строится зрительское восприятие.

Справа художник стремится «объективировать» некое виденье. Здесь показаны безропотные души павших, вечно пребывающие, по-видимому, в некой «Валгалле» – приюте храбрых воинов. Они уже не смотрят, фактически не имеют лиц... Им в награду осталась только абстрактная неотчуждаемая молодость, прозрачная как дым жертвенных курений. В центре композиции, ближе к её левому краю, изображён (той же, по-видимому, потусторонней природы) скрипач, чью сонату нам должно расслышать.

Невзирая на почвенный колорит русской истории, картина строго выдержана в ключе brutального индоевропейского язычества – безвыходного, ещё доантичного.

По-видимому, в силу этой советской непривитости к православному корню произведение проникнуто печалью безмерного траура. Прорыв к свету предполагается – но как-то не очень настаёт... Возможно, время создания полотна стало уж слишком духовно тяжёлым. Это были 1990-е годы, в которые почти всё, за что погибли миллионы воинов Великой Отечественной войны, оказалось демонстративно и, как говорится, с особым цинизмом «расхищено, предано, продано».

Может быть, впрочем, чуть подвела автора его колористическая аскеза – господствующий в картине сурово-серый тон. Шинели, пороховой дым, усталая память и мгла посмертия – всё это, конечно, можно трактовать как графитовое марево, завесу. Но открытый, ясный цвет в живописи всё-таки должен быть. Он – её основа, хлеб и воздух... Несмотря на все внутренние противоречия, образно монументальное полотно Н. М. Заволоки является на выставке одним из самых значительных.

Озеро снов

Иная (не станковая – фресковая) монументальность – осознанный выбор художественного языка – присуща работам Г. Н. Дирко «Сотворение мира» и «Святой Довмонт-Тимофей».

Монументальность (но более декоративная – «гобеленовая») свойственна также, как определяющее качество, экспонированным здесь произведениям В. В. Бердышева «Диоген, засмотревшийся на луну», «Эзоп», «Ночной спор».

Напротив, камерной декоративностью интересны две работы Ирины Кросс – «Куст гортензии» и «Озеро снов», созданные в духе В. Э. Борисова-Мусатова.

Привлекает внимание особым колористическим «всплеском» также понравившаяся мне работа «Под сенью платанов» Л. Гордеевой. Своим южным знойным мерцанием она напоминает о творчестве П. В. Кузнецова и А. Матисса одновременно.

Очень хороша сложная в жанровом отношении картина Т. И. Стройло «Женщина с вазой», как бы запечатывающая экспозицию элегантным восклицательным знаком в её самом дальнем углу. Это и портрет, и вечная аллегория самого Творчества. Перед нами некий Художник вообще (впрочем, человек вполне конкретный, узнаваемый). Но также это и смятенная муза – синкретическое божество, дарящее людям по своему произволу вдохновение на всякое творчество.

Французскую – протянутую от Матисса, Модильяни и Пикассо – линию развития отечественной живописи ярче всех в Пскове представляет своим творчеством Н. М. Москалёв. Однако наибольшего внимания среди его произведений, присутствующих сегодня в музейном пространстве, заслуживает, на мой взгляд, полотно «Встреча», в котором автор (словно бы «сквозь» супрематизм начала XX века) обратился к наследию русской иконописи.

Светлячки на старой дороге

Мощным достоинством, делающим экспозицию значительно более объёмной, многомерной и содержательной, является её наполовину обращённый в прошлое (и даже – мемориальный) характер.

Из ушедших псковских мастеров, чьё творчество представлено, в основном, музейными фондовыми вещами, уместно вспомнить А. С. Силина (1921 – 2010), относящийся к началу 1960-х годов большой автопортрет которого, являет художника в рост, ещё молодым, исполненным творческих надежд. Украшают выставку холсты Э. М. Гинзбург (1945 – 2009), несколько гравюр В. М. Васильева (1940 – 1986).

Особенное же внимание привлекают хранимые Псковским музеем произведения Алексея Авдеевича Аникеенка (1925 – 1984). Время всему даёт надлежащее имя, всё и всех расставляет на истинные места. Прошло почти тридцать лет уже, как нет на свете этого удивительного художника с его краткой и тяжёлой судьбой.

Вспоминаю, будто это было сегодня утром, как подвергался А. А. Аникеенок недоброй ревности и насмешкам некоторых своих коллег-современников, как подчас жестоко третировали они его творчество – и за глаза, и в лицо. Людям искусства – не только опереттно-балетным – часто свойственна (с этим уж ничего не поделаешь!) удушающая шекспировская ненависть друг к другу. Эта ненависть столь сильна, что возможна, наверное, лишь как изнанка любви – чистого животворящего Эроса, дающего силу искусству.

Но как же в укор всем давним нападкам словно бы вырос А. А. Аникеенок за миновавшее время – в поле русской культуры и в нашем освобождённом от суетности восприятии! Его картины частью работают в составе постоянной экспозиции русского искусства XX века, но преимущественно таятся в запасниках – за неимением места, до «лучших времён». Там они словно бы проходят некую трансмутацию – вызревают, подобно растущим кристаллам, наполняются новой силой. И лишь нечасто выходят эти произведения на свет очередной выставки – чтобы по-новому привлечь к себе, преобразить уже другого зрителя, остаться для него незабываемыми на десятилетия.

Большое полотно «Светлячки на старой дороге», созданное Аникеенком в 1960-е годы, царит во втором из залов выставки, многое собой затмевая. Ученическая, творческая преемственность этого мастера по отношению к В. Ван Гогу очевидна. Но в данном случае это не унылая бессильная подражательность, а осознанное достоинство, сверхприродный диалог личностей соизмеримых.

Жизнь в аренду

Выставка получилась на удивление, даже неожиданно хорошей. Неожиданно – не потому, разумеется, что псковские художники плохи. Псковские художники – очень (слава Богу!) разные. Разны они и по масштабу своего таланта. В их числе работают и сегодня люди выдающегося,

подлинного дара, о персональном пути которых я надеюсь говорить в будущих статьях.

Но в первую очередь важно, что собравшиеся вместе мастера сегодняшнего Пскова смогли через рассматриваемую выставку наилучшим образом проявить свои сильные стороны. И эта несомненная удача достойна восхищённого удивления потому, что столь груба, чужда и агрессивна по отношению к художникам вся нынешняя жизнь, историческая атмосфера, социальная действительность. К сожалению, эта враждебность среды имеет тенденцию сгущаться.

Не секрет, что последние месяцы 2012 года прошли для творческого сообщества нашего города под знаком недоуменного отстаивания своего главного права – на существование, на саму жизнь в профессии. Органы власти, от которых зависит решение подобных вопросов, вознамерились повысить плату за мастерские – практически немедленно и в десятки раз [5].

Понятно, что такой подход диктуется, по-видимому, не «изначально злой волей» всяческого начальства. Постулат изначально злонамеренности всех, кто, как им кажется, «правит» нами, всё более – и уже непоправимо – становится сегодня базовым мифологическим объяснением всех негативных явлений жизни, господствует в СМИ и в сознании общества.

Я же эту злокозненность псковского руководства по отношению к художникам никоим образом не могу постулировать. Напротив, стремление «задрать» оплату за мастерские не есть чьё-то субъективное преступное посягательство. Оно объективно продиктовано общим вектором движения России в последние 25 лет (по-русски теперь это называется мейнстрим). Я говорю о движении ко всеобщей, нарастающей и в пределе тотальной коммерциализации.

«Общество потребления», построенное на рынке (купле-продаже) – это такой специальный всепланетный концлагерь, реализуемый на наших глазах. Концлагерь ведь (исключение любой человеческой свободы) можно обустроить двумя способами. Человек – существо двусоставное: и духовное,

и телесное. Оба начала в нём равно важны. Дух, положим, бессмертен и в этом качестве всегда имеет последнюю возможность вырваться из-под власти земных утеснителей. Потому, чтобы возобладать над ним, принято воздействовать на человека через его телесность.

В условных Освенцимах и ГУЛАГах, где материальные потребности полностью «отменены», измученный голодом человек становится (статистически) в большой степени духовно «пластичен» в руках отнимающего свободу. В большой степени, но не до конца: блокада Ленинграда – самый, может быть, убедительный обратный пример.

Но можно ведь построить тотальную несвободу и на диаметрально противоположном воздействии – на чрезмерном разжигании плотских потребностей в ущерб духовным. Дух наверху, чрево снизу. Человек слаб: ему поначалу комфортно катиться вниз – как бы под действием гравитации... Общество потребления так и построено – на «растущих потребностях» уже не советских ещё людей.

«Беда» в том, что искусство – подлинное искусство, в котором сконцентрирована Свобода как сущность человека – нигде в коммерческую парадигму не вписывается. По определению.

Вот, к примеру, в Пскове художественный рынок совершенно не развит. Даже истинным мастерам продать свои произведения невероятно трудно, а в достаточной для прожиточного минимума степени – пожалуй, невозможно. Именно поэтому для них требование оплаты мастерской по рыночной цене есть безусловный запрет на профессию, а, значит, и на жизнь (ибо для художника отрыв от творчества – смерть и есть).

Холст и рубль

Но «зайдём» со стороны противоположной. Посмотрим на Лондон, Нью-Йорк – мировые центры, в которых финансовый рынок, паразитирующий около искусства, развит в максимальной степени. Конечно, в известном смысле лучше, приятнее, когда великое полотно – Ван Гога, Ренуара, Моне – стоит 80 миллионов долларов и больше. Вернее, продаётся и покупается по

этой цене. Такая запредельная стоимость кажется более предпочтительной, чем ничто: ведь то, что ничего не стоит – никому и не нужно. Человечество не хранит веками такие «бросовые» предметы. Они обречены на быстрое исчезновение.

Но даже эта кажущаяся предпочтительность запредельной, ни с какой реальностью несообразной цены перед полным её отсутствием, по сути дела, весьма условна. Ведь понятно же, что не могут быть равны друг другу в денежном эквиваленте целый небольшой город на русской равнине и «очаг и котелок, нарисованные на куске старого (даже очень старого) холста».

Одно дело – неизмеримая деньгами бесценность шедевров искусства, искусства вообще, его «перпендикулярность», «неподсудность» рынку. Она неотменима и очевидна (пускай не для всех). Но совсем иное дело – раздутая до безумия спекулятивная цена, очередной обманной «пузырь» виртуальной биржи. Я даже не знаю, в чём злее и оскорбительней выражает себя органическое буржуазное отторжение всего необъятного феномена искусства. Что более унижает и отрицает его – полное отсутствие всякой достойной цены (как это имеет место и в Пскове), либо же «цена» безумная [б], существующая уже очень далеко «по ту сторону» всякой подлинности, любого человеческого измерения.

Но вернёмся с неоновых «небес» на нашу землю. Псков – очень далеко не Нью-Йорк. Здесь художников унижают и сживают со свету не чрезмерностью денег, а их оскорбительным недостатком. Не может быть справедливого рынка произведений искусства там, где абсолютное большинство лиц, имеющих об искусстве хоть какое-то представление, вынуждено существовать за чертой бедности.

Светская литургия

И, тем не менее, художники нужны обществу. Тому обществу, которое ещё надеется быть – рассчитывает на развитие, на какое-то будущее. Представим себе чёрный город без художников, населённый одними торговцами, вписанными в реестр, исправно платящими вменённую подать...

Всеобъемлющая экономика, не облагороженная искрой творчества, мертва и отвратительна! Она просто никому не интересна.

Художники приносят пользу городу, в котором живут, не тем, что раскрашивают заборы в различные приятные для начальства цвета. Художник (как и поэт) не обязан «сметать сор с улиц». Не в этом его предназначение. Самим существованием своим он уже дарит сообществу, к которому принадлежит, важнейшее, незаменимое благо.

Я много раз говорил, что работа в области пластических искусств представляет собой род своеобразной светской литургии. Творчество есть высшее предназначение человека. Выполняя его, вступая в ученический диалог с предвечным Творцом (один из важнейших эпитетов которого – Художник), человек только и оправдывает жизнь – свою и своего народа. Искусство есть форма молитвы. Без неё (как и без духовной брани отшельников в монастырях), быть может, завтра уже обрушится богооставленный град, прекратится совсем воспроизводство бессмысленных поколений, «просядут» главные основания исторического бытия.

И если враждебная парадигма всеобщей продажности диктует в качестве своего неизбежного развития уравнивание художника с торговцем, музея с развлекательным центром – долг всех сознательных членов общества (руководителей – в первую очередь) противостоять этому. Всемерно, до последней возможности, поверх торгашеской «логики» противостоять!

Уже под самый конец 2012 года неприятная история с финансовым «накатом» на псковских живописцев, казалось бы, счастливо завершилась. Псковское региональное отделение Союза художников России и творческое объединение «Псков-Арт» получили многократные и публичные уверения в том, что им будет предоставлен бессрочный иммунитет от смертельного для них повышения платы за мастерские. Все под Новый год, что называется, уже расслабились, были рады и благодушны.

Но промелькнуло многозначительное сообщение о том, что художникам предоставлено право не оплачивать мастерские «сроком на один год». Стало

быть, партия ещё не решена – только отложена. Год – конечно, по нынешней русской политической хронологии – это много, почти вечность...

Последний парад

Несмотря на все неприятности, псковские служители искусства – как свойственно истинным артистам, в широком значении этого имени – собрались с духом к своему отчётному юбилею, к смотру собственной творческой совести. Их общая, объединяющая поколения, выставка раскрывает себя для посетителей с изящной лёгкостью, молодо и светло.

И все же в зале её мне неотступно вспоминается известная сцена из старого советского фильма «Бег» по М. А. Булгакову. Там музыканты военного оркестра в буденовках бредут вразнобой и из последних уже сил через гнилой Сиваш, месят ледяную воду. Но вот в назначенный миг руководитель оркестра «берёт их в руки» (словно дирижёрскую палочку). Музыканты становятся в единственно нужном порядке, по колено в воде. «Рвутся снаряды, трещат пулемёты» – но патетическая тема торжествует над гулом подступающего небытия. [7]

Впрочем, сравнение некорректно: там, в советской агитке, красные наступали. Их музыка была порывом к близкой победе – к обретению желанного и «светлой жизни» на том берегу. Сегодня же псковские художники скорее подобны оркестру «Титаника».

«Пассажиры» Пскова, длите своё пребывание на пиршестве культуры!
Музыка для вас пока звучит.

Мелодия «Варяга» ещё некоторое время витает без слов над опустелой и померкшей сценой. Зрители тихо расходятся.

Юлий СЕЛИВЕРСТОВ

1. См.: Ю. Селиверстов. Ударим юродством по гламуру!// «ПГ», № 46 (415) от 19-25 ноября 2008 г.
2. См. Ю. Селиверстов. Абсолютный Город// «ПГ», № 33 (555) от 31 августа – 6 сентября 2011 г.

3. См. Ю. Селиверстов. Уклонение от взора// «ПГ», № 41 (613) от 24-30 октября 2012 г.
4. См.: Ю. Селиверстов. Та земля, что могла быть раем// «ПГ», № 15 (587) от 18-24 апреля 2012 г.
5. См.: А. Семёнов. Переменная участь// «ПГ», № 47 (619) от 5-11 декабря 2012 г.
6. Торговцы рассматривают великие полотна прошлого не как искусство уже, но как объекты для капиталовложения, финансовый фетиш. Их вакханалия оскорбительна для памяти страдальцев-художников, при жизни слишком часто бывающих нищими и непризнанными. Непризнанными (принципиально не понятыми, непостижимыми и на самом деле ненужными – хоть и втащенными в качестве товара на неадекватный рынок) они остаются также и после своей смерти, невзирая на запоздалую, кощунственно высокую стоимость их картин. Ведь обывательский вкус изначально пошл. А мельчайший гран пошлости несовместим с искусством. Их природы противоположны. Они взаимно отталкиваются.
7. Столь эффектную сцену через почти сорок лет пытались «зеркально отразить» создатели гламурного фильма «Адмиралъ», казалось бы, призванного воспеть Белое дело. Однако их попытка, как всё вторичное, содержит, к сожалению, на порядок меньше художественной (не документальной!) правды.